

Сов. кино, 1963, 9 февр.

Творческий портрет

сти; облик Куликова отмечен утонченностью и интеллектуальностью, облик Геннадия — слабоволием, почти вырождением — и все это почти без грима, только каким-то внутренним преображением.

— Не хочешь ли ты сказать, что различие между Смоктуновским и Баталовым — это различие между актером перевоплощения и актером одного образа? Это так, но это и не так. Крупного актера вообще трудно подвести под какую-нибудь установившуюся и, в сущности, очень условную рубрику. Вспомним Баталова. Ведь его «единый» герой совсем не застыл в своих чертах. Он меняется, взрослеет в

РАЗЛИЧИЕ ИЛИ СХОДСТВО

КРИТИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ

Майя ТУРОВСКАЯ
Юрий ХАНЮТИН

не то чтобы полемизируют с ними, а как бы проникают сквозь них, оказываются почти неуловимы для определений в своей текучести. В отличие от очень определенного героя Баталова, о них иногда не скажешь, «положительные» они или «отрицательные».

— Но, может быть, это не столько различие двух актеров, сколько просто отличие их ролей?

— Да, но тут есть и обратная зависимость: диапазон ролей определяется актерской индивидуальностью. А сейчас ты не замечаешь, что имя Смоктуновского приходит в голову по поводу любой сколько-нибудь сложной роли? Князь Андрей? — Смоктуновский. Гамлет? — Ну, конечно же, Смоктуновский!..

— Нет ли тут привкуса моды, на которую порой падок кинематограф?

— Допустим. Но ведь и сама такая мода — от ощущения «всеобъемлющести» возможностей актера. Смоктуновский по старинному красив, играя Моцарта, в Фарбере, наоборот, невзрачен до нелепо-

своем отношении к жизни. В Алексее Журбине главным было беззаботное мальчишеское озорство и столь же мальчишеская уверенность, что любая жизненная несправедливость может быть легко исправлена. А его шофер Саша Румянцев, тоже склонный к импульсивным действиям, — помнишь, как он самозабвенно берет ловить шайку бандитов и тем не менее уже задумывается над жизнью...

— Но тут тоже можно сослаться на эволюцию самого образа, роли, а не актера...

— Да, но вместе с образом, с ролью меняется и актер. И он, его творчество, в свою очередь влияет на изменение героя. А все эти изменения в своей сово-

купности определяют движение времени. Вот здесь, пожалуй, самое главное.

Почему интеллектуальность, внутреннюю сложность также непременно связывают

с обликом Баталова — сидит ли он за «баранкой» или стоит перед экраном осциллографа? Свойство актера? Конечно. Но эти качества художника, как и черты героя, определены временем.

Если бы на актерах, как на зданиях, принято было ставить дату их «постройки», то Баталова надо было бы пометить «сделано в середине 50-х годов».

— Но это же можно сказать и о Смоктуновском. И тут при всей противоположности — сходство и даже, наверное, совпадение этих двух актеров нового поколения. Конечно, в герое Баталова принадлежность нашему времени обозначена резче. Но и Смоктуновский как актер не менее современен. В разнообразии его персонажей тоже есть своя внутренняя и обусловленная временем общность.

Если говорить о каком-то внутреннем

единстве, то для Смоктуновского это не столько единство героя, а скорее единство некоего бескомпромиссного гражданского идеала, который при всей текучести и изменчивости его актерского облика стоит за его созданиями и явственно ощущается зрителем.

Ведь если мы говорили, что Смоктуновский — актер перевоплощения, то он в то же время и один из самых лирических наших актеров. Только единство темы, которое у Баталова выражается как единство героя, у него существует как единство личности самого художника, сохраняющееся в самых разных его созданиях...

Пожалуй, вернее всего было бы сказать, что общее для Алексея Баталова и Иннокентия Смоктуновского не только в том, что оба они не просто отличные актеры-исполнители, но и в том, большом смысле, который когда-то обозначался старомодным словом «властитель дум».

— Да, можно было бы, наверное, сказать, что так же, как Гусев и Куликов в фильме дополняют друг друга, составляя как бы собирательный портрет человека современного поколения, так точно Баталов и Смоктуновский дополняют друг друга, составляя собирательный тип современного актера...

* * *

— Если бы весь мир состоял из Гусевых! — восклицает в фильме Куликов.

О, если бы весь актерский состав нашего кино складывался из таких, как Баталов и Смоктуновский, повторим мы вслед за ним, не желая, впрочем, никого обижать. Речь, разумеется, идет не об актерской индивидуальности, которая у каждого должна быть своя, — и чем они разнообразнее, тем лучше. Речь идет о таких чертах облика современного актера, как чуткость к насущным требованиям времени, как его способность быть «властителем дум» зрителей.

Дружеские шаржи А. Соколова.

— ТЫ ПОМНИШЬ появление Баталова на экране? Белозубая фамильная, баталовская улыбка и взгляд — открытый, доверчивый, немного озорной — пожалуй, это больше всего подкупало в его героях. Парень, что называется, «душа нараспашку»... Я говорю и сам чувствую ограниченность и даже архаичность этого слова. Так скорее говорят о парнях простодушных, веселых и где-то элементарных.

Героя Баталова — Алексей Журбин, или Саша Румянцев, или Борис из фильма «Летят журавли» — ничего не скрывают в себе. Они тоже «нараспашку». Но знакомиться с ними было интересно, потому что простота их не равняется простоватости. Не изощренные, но по-своему сложные, они интеллигентны в довшенковском смысле слова, то есть, не по образовательному цензу, а в своем душевном хозяйстве. Пожалуй, по-своему они и утонченны. Впрочем, это кажется, больше подходит к героям Смоктуновского.

— Боюсь, что «это» подходит к любому хорошему актеру. Не замечаешь ли ты, что как только нам нечего сказать о художнике по существу, начинаются пустые, набившие оскомину эпитеты «тонко», «глубоко», «с мастерством». Давай попробуем разобраться, что собой представляют в нашем искусстве эти актеры. Вот ты говоришь «герой Баталова», и верно — его персонажи составляют некое единого героя. Можно сказать, даже «положительный герой» Баталова.

Со Смоктуновским как раз наоборот. Что такое герой Смоктуновского? Лейтенант Фарбер из «Солдат» с его принципиальностью, которая так застенчиво выражает себя в этом близоруком, глубоко штатском математике? Или лениво-презрительный Геннадий из «Високосного года»? Блестящий и иронический молодой ученый Куликов или «отвратительно-презрительный» эгоист и подлец Пал Палыч из «Ночного гостя»?

Его героев не объединишь в один образ, не уложишь в общепринятые рамки. Они не то чтобы ломают барьеры схем,